

Ментальная репрезентация и интенциональность*

Д.В. Иванов

Статья представляет исследование понятий содержания, интенциональности и ментальной репрезентации. Понятие ментальной репрезентации, часто отождествляемое с понятием интенциональности, занимает центральное место в когнитивной науке. Однако, по мнению элиминативистов и радикальных энактивистов, объясняя природу ментальных состояний, мы должны отказаться от понятий содержания и ментальной репрезентации. В работе демонстрируется, что мы можем отказаться от понятия ментальной репрезентации, но при этом сохранить понятия содержания и интенциональности. Для этого содержание должно быть проинтерпретировано с позиции экстернализма. В работе показывается, что не все экстерналистские теории подходят для того, чтобы предложить интерпретацию содержания, избегающую критики со стороны элиминативизма и радикального энактивизма. Для этой задачи не подходят классические экстерналистские теории, предложенные Патнэмом и Бёрджем, поскольку они совместимы с концепцией ограниченного содержания. Также для этой задачи не подходят энактивистские теории и активный экстернализм Кларка и Чалмерса, поскольку эти подходы, скорее, поддерживают экстернализм относительно носителя содержания, а не экстернализм относительно самого содержания. В статье делается вывод о том, что вариант экстернализма, предложенный Макдауэлом, позволяет нам сохранить понятия содержания и интенциональности, отказавшись от понятия ментальной репрезентации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ментальная репрезентация, интенциональность, содержание, когнитивная наука, энактивизм, экстернализм.

ИВАНОВ Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

ivdmitry@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26 января 2018 г.

Цитирование: *Иванов Д.В.* Ментальная репрезентация и интенциональность // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 86–95.

Наши ментальные состояния являются интенциональными. Они всегда направлены определенным образом на какой-либо объект. Существенной характеристикой интенциональных состояний является наличие содержания. В самом широком смысле содержание может быть определено как тот способ, каким ментальное состояние фиксирует конкретное положение дел. Очень часто интенциональные состояния понимаются как ментальные репрезентации, как ментальные состояния, в которых определенным образом воспроизводится информация о представляемом положении дел. Эта информация может быть представлена в виде определенной пропозиции.

Понятие ментальной репрезентации занимает центральное место в когнитивной науке. Собственно, возвращение данного понятия в область исследований психиче-

* Исследование "Экстерналистская парадигма в философии сознания и когнитивной науке" выполнено за счет гранта РФФИ (проект №16-03-00373).

©Иванов Д.В., 2018 г.

ского и ознаменовало возникновение когнитивной науки на рубеже 40–50-х гг. прошлого века. Как известно, бихевиоризм игнорировал внутренние содержательные аспекты психики, сводя психические феномены к сложному комплексу поведенческих и физиологических реакций. Против данного подхода к середине XX в. было выдвинуто достаточно возражений, убедивших ученых пересмотреть методологические основания исследования психики. Эмпирические свидетельства демонстрировали, что апелляция к поведенческим реакциям недостаточно для объяснения когнитивных функций живого существа. Например, успешное прохождение крысами лабиринтов лучше объясняется не ссылкой на закрепление поведенческих реакций, а предположением, что в психике животных имеются какие-то репрезентации (ментальные карты) окружающей их реальности, которые помогают им выполнять заданные наилучшим образом. Теоретические же аргументы против бихевиоризма показывали, что ментальные состояния следует рассматривать скорее как причины определенного поведения, а не как само поведение. Мы плачем и кричим по причине того, что испытываем боль. Не совокупность поведенческих реакций порождает в качестве эффекта состояния боли, а сама боль способствует их появлению.

Однако допущение о существовании ментальных репрезентаций как внутренних ментальных состояний, детерминирующих поведение живого существа, сталкивается с проблемой натуралистического объяснения природы содержания. Если ментальные состояния как носители содержания могут быть поняты натуралистически, например, как определенные состояния мозга, то как объяснить содержательные аспекты этих состояний? Как могут, по меткому замечанию Дж. Серла, «...“атомы и пустота” обладать интенциональностью. Как они могут быть о чем-то?» [Сёрль 1993, 14]. Как физикалистским языком объяснить присутствие семантического измерения в ментальных репрезентациях?

Определенное решение данной проблемы было найдено в контексте исследований искусственного интеллекта. Именно данная область исследований оказалась тем катализатором, который способствовал появлению когнитивной науки как новой междисциплинарной области исследования сферы психических феноменов. Объяснение природы ментальных состояний, выработанное в процессе решения проблем искусственного интеллекта, является функционалистским. Ментальные состояния было предложено рассматривать как функциональные состояния, характеризующиеся прежде всего не физическими параметрами, а теми отношениями, в которых они находятся к сигналам входа и выхода. Эти отношения являются синтаксическими, своего рода вычислениями. Именно поэтому ранний вариант функционализма также обозначали понятиями «компьютеционизм», «машинный функционализм», «функционализм машины Тьюринга». Очевидно, что на компьютеризацию оказала влияние прежде всего теоретическая демонстрация Тьюрингом возможности машины, которая, следуя простым синтаксическим правилам, способна решить любую четко специфицированную интеллектуальную задачу.

По мнению представителей этого вида функционализма, выполнение определенных синтаксических правил достаточно для того, чтобы считать, что система обладает также семантикой. Семантика следует из синтаксиса. А. Ньюэлл и Г. Саймон, например, полагали, что когнитивное поведение основывается на физико-символьных системах. Определяя физико-символьные системы, они писали: «Физико-символьная система состоит из множества сущностей, называемых символами, являющихся физическими паттернами, которые могут входить в качестве компонентов в другой тип сущности, называемой выражением (или символической структурой). Таким образом, символическая структура состоит из ряда образцов (или экземпляров) символов, которые связаны физическим образом друг с другом (таким образом, что один экземпляр находится рядом с другим). В любой момент времени система содержит набор таких символических структур. Помимо этих структур, система также содержит набор процессов, которые оперируют выражениями, чтобы произвести другие выражения: это процессы создания, модификации, воспроизведения и уничтожения. Физико-символьная система является машиной, которая производит

во времени эволюционирующий набор символических структур. Такая система существует в мире объектов, более широком, чем сами эти символические выражения» [Newell, Simon 1976, 116]. Размещение физико-символьной системы в мире объектов, выходящем за пределы самой системы, является необходимым условием наличия значения у символов. Символические выражения находятся к этим объектам в отношении десигнации, т.е. «система может либо воздействовать на объект сама, либо ее поведение зависит от объекта». Гипотеза Ньюэлла и Саймона заключается в том, что «физико-символьная система обладает необходимыми и достаточными средствами для обеспечения общей интеллектуальной деятельности» [Newell, Simon 1976, 116].

Позиция машинных функционалистов является реализмом относительно ментальных репрезентаций. В философии когнитивной науки этот вид реализма эксплицитно представлен теорией языка мыслей Дж. Фодора. Согласно Фодору, внутренние символические структуры не просто существуют, но их семантическая размерность совпадает с размерностью предложений обыденного языка, представляющих некоторую ситуацию. Моей мысли, выраженной предложением «Идет дождь», соответствует некий экземпляр внутреннего символа с тем же пропозициональным содержанием. Этот факт и то, что внутренние символические структуры каузально связаны друг с другом и влияют на поведение, объясняют предсказательную силу нашего обыденного языка, описывающего убеждения, желания и поведение [Fodor 1987, 17]. Если у кого-то есть желание остаться сухим и убеждение, что скоро пойдет дождь, то мы можем предсказать, что с большой вероятностью этот человек останется дома.

Реализм относительно ментальных репрезентаций является главной методологической установкой классической когнитивной науки. До сих пор большинство ученых-когнитивистов придерживаются этого взгляда. Однако есть ученые, которые не разделяют эту установку. Некоторые из них занимают элиминативистскую позицию относительно ментальных репрезентаций. Суть элиминативизма заключается в демонстрации того, что объекты, обозначаемые определенными понятиями, не существуют, что эти понятия являются пустыми и мы должны отказаться от их использования. Парадигмальным примером такого понятия является, например, понятие флогистона.

Одной из элиминативистских теорий в когнитивной науке является коннекционизм. С появлением коннекционизма, с активным обсуждением его идей в 80-х гг. прошлого века можно связать определенный поворот, произошедший в данной дисциплине. Один из основных философских выводов, который можно сделать из этих дискуссий, заключается в предположении о том, что онтология мозговых процессов не тождественна онтологии ментальных объектов, задаваемой нашим обыденным языком, нашей народной психологией (folk psychology). Центральным понятием коннекционизма является понятие искусственной нейронной сети, обозначающее математическую модель работы мозга. Ключевыми понятиями этой модели являются понятия узлов, или единиц, и связей между ними, которые понимаются как аналоги нейронов и синаптических связей между ними. Каждому узлу приписывается некоторое значение активности, зависящее от значения активности узлов на входе и скрытых узлов. Значение активности узлов и совокупное значение активности всей сети зависит также от силы связей между узлами, обозначаемой понятием «вес». Коннекционизм является компьютерционистской теорией, как и в классическом функционализме, в ней делается акцент на вычислительных процессах. Однако очень условно его можно назвать репрезентационизмом, поскольку репрезентации, присутствующие в нейронной сети, являются субсимволическими. Можно сказать, что та информация, которой оперирует сеть, не тождественна содержанию репрезентаций, представляемых обыденным языком, языком народной психологии.

Искусственная нейронная сеть может также пониматься как динамическая система, состояния которой характеризуются как эмерджентные, зависящие от определенного уровня сложности совокупных процессов и описываемые нелинейными пороговыми функциями. Подобная система является самоорганизующейся и находится в состоянии динамического равновесия. Если взаимодействие с миром системы, подобной машине Тьюринга, всегда опосредовано внутренними репрезентациями, то

динамические системы взаимодействуют с миром непосредственно. По сути, правильно говорить о том, что мир в определенном смысле является частью динамической системы.

Анализируя проблему ментальных репрезентаций, я полагаю, мы должны прислушаться к выводам элиминативистов. Стараясь натуралистически объяснить природу содержания, мы можем попытаться прибегнуть к понятию информации. Однако, как показывают симпатизирующие элиминативизму представители радикального энактивизма Д. Хутто и Э. Мин, для этого мы можем использовать лишь понятие информации как ковариации [Hutto, Myin 2013]. Об этом виде информации мы говорим, например, когда сообщаем, что кольца на срубе дерева свидетельствуют о возрасте дерева. Между тем то понятие информации, которое связывается с понятием содержания ментальной репрезентации, гораздо шире, чем понятие информации как ковариации. Оно предполагает концептуальный способ фиксации некоторого элемента реальности. Относительно этого способа можно говорить, что он позволяет представлять определенное положение дел, определенным образом осуществлять референцию к тому или иному объекту. Всего этого нельзя сказать об информации как ковариации.

Признавая элиминативистский вывод о том, что для объяснения работы мозга мы не нуждаемся в понятиях содержания и ментальной репрезентации, мы тем не менее не должны отказываться от понятия интенциональности. Как я полагаю, мы можем найти подход, который поможет нам сохранить данное понятие и предложить натуралистическое объяснение природы содержания интенциональных состояний.

В популярном введении в философию когнитивной науки Э. Кларк схематически выделил три позиции по вопросу ментальных репрезентаций, связав их с работами трех ведущих философов сознания: реализм относительно ментальных репрезентаций, эксплицитно отстаиваемый Фодором; элиминативизм, виднейшим представителем которого является П. Черчленд, и инструментализм Д. Деннета [Clark 2001]. Последнюю позицию можно считать компромиссным решением вопроса о природе ментальных репрезентаций. Она подобна элиминативизму в том, что вслед за Черчлендом Деннет полагает, что ментальные репрезентации как особые онтологические единицы, составляющие сферу психического, не существуют. Однако подобно Фодору Деннет не отказывается от языка народной психологии, также полагая, что он обладает предсказательной силой. Однако предсказательная сила этого языка зависит не от существования особых ментальных объектов, обладающих каузальной силой, а от нашей способности приписывать интенциональные состояния какому-либо объекту. Мы можем объяснять поведение объекта, зная, как он устроен физически или как он функционирует, но в некоторых случаях наши предсказания будут успешны, если мы будем приписывать ему различные ментальные установки, такие, например, как желания, убеждения и пр. Скажем, объяснение поведения мыши будет более успешным, если мы припишем ей убеждение, что в определенном месте сидит кот, и желание избежать встречи с ним. Это не значит, что используемое понятие интенциональных состояний выделяет реально существующие ментальные репрезентации, понятые как особые психические объекты. Скорее, данное понятие является просто удобным инструментом определенной предсказательной практики. Недостатком такой позиции является то, что она оказывается уязвимой для критики в произвольности приписывания интенциональных состояний. Отвечая на критику, Деннет указывал, что приписывание интенциональных состояний не является произвольным, оно зависит от наличия реальных паттернов поведения конкретного существа [Dennett 1991]. Подобную позицию можно обозначить как умеренный реализм относительно ментальных состояний.

Проясняя природу интенциональных состояний, отталкиваясь от идеи реальных паттернов поведения, по какому пути нам следует двигаться? Как я полагаю, дальнейшее обсуждение природы содержания интенциональных состояний должно вестись в экстерналистской парадигме. Такой вывод мы должны сделать, если принимаем аргументы элиминативизма, направленные против реализма ментальных репре-

зентаций, которые фигурировали как внутренние психические объекты в классической когнитивной науке, но при этом не готовы отказаться от понятий содержания и интенциональности.

Существуют различные варианты экстернализма в современной философии сознания. Классические варианты экстернализма, представленные Х. Патнэмом [Putnam 1973] и Т. Бёрджем [Burge 1979], подчеркивали зависимость содержания ментальных состояний от объектов внешней среды и от социума. Однако их вариант экстернализма плохо подходит для того вида объяснения содержания ментальных состояний, который мы ищем. Варианты экстернализма Патнэма и Бёрджа могут быть совместимы с концепцией ограниченного ментального содержания (*narrow mental content*). Эта концепция допускает зависимость содержания от каких-либо условий, выходящих за пределы психики, от условий внешней среды. Однако само содержание рассматривается как внутренний психический феномен. Такой взгляд по-прежнему уязвим для критики со стороны элиминативизма.

Недостаток теорий Патнэма и Бёрджа заключается в том, что экстернализм, предлагаемый ими, является пассивным экстернализмом. Между субъектом ментальных состояний и объектами внешней среды или социумом нет каузальных связей. Очень условно можно сказать, что содержание мыслей космонавта, прилетевшего на планету-двойник Земли и нашедшего прозрачную, текучую жидкость, похожую на воду, но с иной химической структурой, должно измениться, когда он высказывается о жидкости на этой планете. Ведь всегда можно считать, что содержание таких его высказываний, как, например, «Это вода», по-прежнему детерминировано каузальной историей его взаимодействий с водой на родной планете. Сам по себе факт изменения окружающей среды не может мистическим образом изменить содержание уже сформировавшихся ментальных состояний.

Подобное положение дел попытались исправить Э. Кларк и Д. Чалмерс. Критикуя Патнэма за отсутствие в его концепции акцента на каузально-исторической связи субъекта ментальных состояний и внешнего мира, они писали: «Когда я полагаю, что вода жидкая, и мой двойник полагает, что вода-двойник жидкая, внешние характеристики, ответственные за разницу наших убеждений, являются удаленными и зависящими от истории взаимоотношений, размещаясь на другом конце длинной каузальной цепи. Присутствующие же в настоящий момент характеристики оказываются нерелевантными: если я окажусь прямо сейчас поблизости от XYZ-жидкости (например, телепортировавшись на двойник Земли), из-за моей истории мои убеждения все еще будут об обычной воде» [Clark, Chalmers 1998, 9]. В противоположность классическому экстернализму они сформулировали свой подход, обозначенный термином «активный экстернализм». Основная их идея заключается в том, что элементы окружающей среды играют активную роль в формировании психических состояний. Объекты внешнего мира не просто каузально обуславливают последние, а, скорее, конституируют их. Вместе с воспринимающим организмом они создают единую когнитивную систему: «Если, когда мы решаем определенную задачу, часть мира функционирует как процесс, который, происходи он в голове, мы без промедления распознали бы как когнитивный процесс, то эта часть мира является (как мы утверждаем) частью когнитивного процесса» [Clark, Chalmers 1998, 9].

Подход Кларка и Чалмерса является шагом вперед в развитии экстерналистского понимания природы ментальных состояний. Действительно, если ментальные состояния не локализованы исключительно «в голове», а определенным образом вынесены во внешний мир, то, возможно, и объяснение природы содержания следует связывать не с внутренними процессами в мозге, а с внешними факторами взаимодействия организма и мира. Однако недостаток активного экстернализма Кларка и Чалмерса заключается в том, что он не является экстернализмом относительно содержания. Скорее, его следовало бы обозначить как экстернализм относительно носителя. С. Хёрли предложила обозначать эти два вида экстернализма терминами «экстернализм-что» и «экстернализм-как» [Hurley 2010]. Объясняя, как конституируется ментальное состояние, Кларк и Чалмерс не затрагивают вопрос о том, что же такое содержание.

Хотя активный экстернализм и не проясняет вопрос о природе содержания, он все же предлагает аргументы, которые можно использовать для обоснования идеи Деннета о связи ментальных состояний с реальными паттернами взаимодействия организма и мира. Однако для прояснения природы этих паттернов лучше подойдет энактивистский подход, развиваемый в современной когнитивной науке, чем подход Деннета. В энактивизме когнитивные процессы понимаются как зависящие от конкретной телесной организации существа, деятельностно встроенного в окружающую среду. Иначе говоря, исследование психики с этой точки зрения является прежде всего исследованием паттернов динамического взаимодействия существа с окружающей средой, а не изучением просто мозговых процессов. Деннет же, объясняя природу сознания, например, предлагая свою теорию множественных набросков, скорее, делает акцент на изучении мозга.

Существуют различные варианты энактивизма. Все они представляют собой экстернализм-как, поскольку делают акцент на зависимости когнитивных процессов от встроенности организма в окружающую среду. Вместе с тем, подобно активному экстернализму Кларка и Чалмерса, они не обосновывают экстернализм-что. По вопросу же о природе содержания позиции разных представителей энактивизма расходятся. Представители аутопоэтического энактивизма, отказываясь от репрезентационизма, рассматривают содержание и значение, связываемые с ментальными актами, как продукты, которые производят организмы, взаимодействуя с миром. Паттерн активности, порождаемый взаимодействием организма с окружающей средой, рассматривается «не как репрезентация стимула, а как эндогенно порожденный ответ, запущенный сенсорной пертурбацией, ответ, который создает и несет значение стимула для животного» [Thompson 2007, 368]. Более того, некоторые представители этого направления энактивизма подчеркивают, что существо не только производит значения, но и потребляет их: «Значение порождается внутри системы для самой системы, т.е. оно порождается и одновременно потребляется этой системой» [Colombetti 2010, 148].

Подобное представление, на мой взгляд, роднит представителей аутопоэтического энактивизма с классическим репрезентационизмом. В классическом репрезентационизме субъект воспринимает мир не непосредственно, а через пелену своих репрезентаций. Можно сказать, он никогда не сталкивается с самим миром. Сближаясь с конструктивизмом, аутопоэтический энактивизм также представляет воспринимающего субъекта как имеющего дело прежде всего с произведенными им же самим смыслами. Можно сказать, что этот вид энактивизма, поддерживая экстернализм-как, тем не менее относительно вопроса о содержании принимает позицию, которую лучше было бы охарактеризовать как интерналистскую.

Отмечая неудовлетворительность аутопоэтического энактивизма, связанную с тем, какую роль приписывают значению ментальных состояний представители этого направления, Хутто и Мин предлагают свой вариант энактивизма, обозначенный ими как радикальный [Hutto, Myin 2013]. Подобно элиминативистам, они предлагают отказаться от таких понятий, как «значение», «содержание», «репрезентация» при описании базовых когнитивных процессов живых существ. С их точки зрения, мы можем использовать данные понятия только тогда, когда говорим о вербальном поведении, присущем людям. Основанием такого отказа является то, что, по их мнению, мы не можем решить трудную проблему содержания, проблему натуралистического объяснения содержания, не прибегая к каким-либо экстравагантным теориям, подобным, например, панпсихизму. Однако отказываясь от понятия содержания, радикальные энактивисты не только отказываются от понятия ментальной репрезентации, но и от понятия интенциональности, что, на мой взгляд, сталкивает их с проблемой субъективности. Субъективность, будучи основной характеристикой феноменального сознания, лучше всего ухватывается в терминах интенциональности. Избавляясь от последнего понятия, мы рискуем при объяснении феноменальных аспектов сознательного опыта либо вообще потерять эти аспекты, либо же столкнуться с ан-

тинатуралистическими теориями, от которых представители радикального энактивизма хотели бы уйти [Иванов 2016].

Как можно видеть, будучи срединным путем между крайностями реализма относительно ментальных репрезентаций и элиминативизма, энактивизм на новом уровне воспроизводит похожие противоречия. На новом же уровне предлагается и решение этого противоречия. Третьим вариантом энактивизма, который, на мой взгляд, преодолевает недостатки аутопоэтического энактивизма и радикального энактивизма, является сенсорно-моторный энактивизм, предложенный А. Ноэ. С точки зрения Ноэ, восприятие живых существ заключается не в обладании особыми внутренними репрезентациями, а в наличии практического знания того, как будут изменяться сенсорные стимулы в зависимости от движения живого существа. Ноэ пишет: «Центральное утверждение того, что я называю энактивистским подходом, заключается в том, что наша способность восприятия не только зависит, но и конституируется нашим владением определенного рода сенсорно-моторным знанием» [Ноэ 2004, 2]. Об этом знании Ноэ говорит так же, как о телесном навыке, связанным со способностью существа к самодвижению.

Представление о восприятии как о практическом знании сенсорно-моторных зависимостей позволяет объяснить наличие у нас феноменологического ощущения восприятия целостного объекта несмотря на то, что в нашем перцептивном опыте объекты никогда не даны нам подобным образом. Мы всегда воспринимаем какой-то их перспективный вид. Например, стоящая на столе тарелка воспринимается нами не как круглый объект, а скорее, как эллиптический. Однако обладание сенсорно-моторным знанием того, как будет изменяться вид тарелки, если мы будем двигаться, позволяет нам воспринять ее как целостный объект.

Таким образом, восприятие складывается из способности движения и телесного знания того, как будут изменяться соответствующие стимулы, оно не является ментальным снимком какого-то среза реальности, как это предполагается в классическом репрезентационизме. Можно сказать, что репрезентационизм игнорирует факт неполноты нашего перцептивного опыта, обусловленной множеством факторов, начиная с таких физиологических фактов, как, например, наличие слепого пятна, и заканчивая фактами обыденного опыта, когда одни объекты загораживают другие (мы видим кошку за забором, хотя решетка позволяет увидеть нам только части животного).

Представление о том, что восприятие зависит от движений живого существа, пытающегося компенсировать недостаток информации об окружающей среде, позволяет нам локализовать содержание ментальных состояний в самом мире. Навигация существа в мире осуществляется не благодаря внутренним ментальным картам-репрезентациям реальности, которые отделяют организм от мира. Как известно, карта не есть территория. Организм взаимодействует с миром непосредственно. Сама территория является картой, предоставляя значения, на которые существо опирается как на возможности осуществить определенного рода действия. Разрабатывая свою концепцию, Ноэ отталкивался от идей Дж. Гибсона. Согласно же Гибсону, наш опыт представляет собой восприятие возможностей для действия, которые предоставляют нам объекты окружающей среды. Радикальность его гипотезы заключается в признании того, что «значения» и «смысл» вещей в окружающем мире могут восприниматься непосредственно» и что «значения являются внешними по отношению к наблюдателю» [Гибсон 1988, 188].

Помимо идей Гибсона Ноэ также использует в своей работе представления о содержании сознания, предложенные Дж. Макдауэлом. Вариант экстернализма Макдауэла направлен против целого спектра философских теорий сознания. Общим для всех этих теорий является зависимость от картезианского понимания сознания. Критика Макдауэла затрагивает в том числе и классические экстерналистские теории сознания.

Как уже отмечалось, признавая зависимость содержания ментальных состояний от внешней среды, эти теории тем не менее допускают концепцию ограниченного со-

держания. Такое понимание содержания может привести нас к заключению, что в конечном итоге мир не играет существенной каузальной роли в конституировании содержания. С точки зрения этих концепций, ограниченное содержание является тем общим моментом, который я разделяю с моим двойником, когда мы оба высказываем мысль «Это вода», указывая при этом на разные жидкости. Однако, если наши ментальные состояния обладают одним и тем же содержанием, хотя мы и говорим о разных объектах, то это значит, что объект оказывается исключенным в каузальном смысле из процесса конституирования ментального состояния. Такое представление о ментальных состояниях возвращает нас к картезианской парадигме понимания сознания, разделяемой в том числе классическим репрезентационизмом.

Особенностью всех теорий, которые условно можно представить как относящиеся к картезианской парадигме, является противопоставление содержания мышления и мира, с которым мы имеем дело в опыте. Такое противопоставление, по мнению Макдауэла, сталкивает нас с мифом о данном, с представлением о том, что концептуальному содержанию нашего опыта противопоставит неконцептуальная реальность «сырых» данных. Представление об объекте складывается из концептуальной обработки в сфере мысли этих данных. Объект как бы собирается, конструируется в когнитивной сфере из неких простейших элементов. Однако такое понимание базируется на натуралистической ошибке. Противопоставляя концептуальное содержание внешней неконцептуальной реальности, мы теряем содержание в том важном аспекте, который необходимо было затронуть. Собственно, мы теряем концептуальный аспект содержания. Если воспользоваться терминами Хутто и Мина, то такое содержание, скорее, является информацией как ковариацией. Оно перестает выполнять важнейшую функцию содержания интенционального состояния – способность фиксировать реальность в определенных аспектах, осуществлять референцию к объектам определенным образом, верно или неверно представлять определенное положение дел (подробнее о концепции Макдауэла см.: [Иванов 2017]).

По мнению Макдауэла, существует лишь один способ избежать мифа о данном. Он заключается в признании того, что сфера концептуального содержания не ограничена чем-то внешним, неконцептуальным. Наш опыт не является восприятием неконцептуальных данных, которые потом должны быть обработаны в концептуальной сфере. Опыт изначально является концептуальным. Рассматривая опыт подобным образом, Макдауэл отмечает, что содержание, по сути, должно мыслиться как «то, что вещи такие-то и такие»: «То, что вещи такие-то и такие, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, то, что вещи такие-то и такие, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира» [McDowell 1994, 26].

Таким образом, если классический экстернализм может быть обозначен как двухкомпонентная теория ментальных состояний, т.е. предполагающая наличие ограниченного содержания и некой реальности, выходящей за сферу концептуального содержания, то экстернализм, предлагаемый Макдауэлом, является однокомпонентным. В нем содержание не мыслится как некая внутренняя ментальная сущность, отделенная от внешних объектов. Оно вынесено вовне, являясь определенным положением дел в мире. Подобная экстерналистская интерпретация содержания позволяет нам не только уйти от репрезентационизма классической когнитивной науки, но и сохранить понятие интенциональности. Более того, данное понимание содержания и интенциональности вполне совместимо с такими вариантами экстернализма-как, как активный экстернализм Кларка и Чалмерса и сенсорно-моторный энактивизм Ноэ.

Ссылки – References in Russian

Гибсон 1988 – Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

Иванов 2016 – *Иванов Д.В.* Радикальный энактивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 60–69.

Иванов 2017 – *Иванов Д.В.* Проблема субъективности и прямой реализм Дж. Макдауэла // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 110–119.

Сёрль 1993 – *Сёрль Дж.* Сознание, мозг и наука // Путь. 1993. № 4. С. 3–66.4

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 86–95

Mental Representation and Intentionality*

Dmitry V. Ivanov

The paper represents the study of the concepts of content, intentionality and mental representation. The concept of mental representation, often identified with the concept of intentionality, occupies a central place in cognitive science. However, according to eliminativists and radical enactivists, explaining the nature of the mental states, we must abandon the concepts of content and mental representation. The paper demonstrates that we can abandon the concept of mental representation, while preserving the concepts of content and intentionality. To do so, we need to interpret content from the standpoint of externalism. The paper shows that not all externalist theories are able to offer an interpretation of content that avoids criticism from eliminativism and radical enactivism. The classical externalist theories, proposed by Putnam and Burge, being compatible with the concept of narrow mental content, are not suitable for this task. Enactivist theories and active externalism of Clark and Chalmers are also not appropriate for this task, since these approaches rather support vehicle externalism, than content externalism. The paper concludes that externalism proposed by McDowell allows us to preserve the concepts of content and intentionality by abandoning the concept of mental representation.

KEY WORDS: mental representation, intentionality, content, cognitive science, enactivism, externalism.

IVANOV Dmitry V. – DSc in Philosophy, senior researcher, the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences.

ivdmitry@mail.ru

Received at January 26, 2018.

Citation: Ivanov Dmitry V. (2018) ‘Mental Representation and Intentionality’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 86–95.

DOI: 10.31857/S004287440000229-6

References

Burge, Tyler (1979) ‘Individualism and the mental’, *Midwest Studies in Philosophy*, 4 (1), pp. 73–122.

Clark, Andy (2001) *Mindware: An Introduction to the Philosophy of Cognitive Science*, Oxford University Press, New York.

Clark, Andy, Chalmers, David (1998) ‘The Extended Mind’, *Analysis*, 58 (1), pp.7–19.

Colombetti, Giovanna (2010) ‘Enaction, sense-making, and emotion’, *Enaction: Toward a New Paradigm for Cognitive Science*, MIT Press, pp. 145–164.

Dennett, Daniel (1991) ‘Real patterns’, *Journal of Philosophy*, 88 (1), pp. 27–51.

Fodor, Jerry (1987) *Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind*, MIT Press.

* The research project “Externalist paradigm in philosophy of mind and cognitive science” was supported by Russian Foundation for Basic Research (the project number: No 16-03-00373).

- Gibson, James J. (1979) *The Ecological Approach to Visual Perception*, Houghton Mifflin (Russian Translation 1988).
- Hurley, Susan L. (2010) 'Varieties of externalism', *The Extended Mind*, MIT Press, pp. 101–153.
- Hutto, Daniel D., Myin, Erik (2013) *Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content*, MIT Press.
- Ivanov, Dmitry V. (2016) 'Radical Enactivism and the Problem of Subjectivity', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2016), pp. 60–69 (in Russian).
- Ivanov, Dmitry V. (2017) 'The Problem of Subjectivity and John McDowell's Direct Realism', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2017), pp. 110–119 (in Russian).
- McDowell, John (1994) *Mind and World*, Harvard University Press, Cambridge.
- Newell, Allen, Simon, Herbert (1976) 'Computer science as empirical inquiry: Symbols and search', *Communications of the Association for Computing Machinery*, 19 (3), pp. 113–26.
- Noe, Alva (2004) *Action in Perception*, MIT Press.
- Putnam, Hilary (1973) 'Meaning and reference', *Journal of Philosophy*, 70 (19), pp. 699–711.
- Searle, John R. (1984) *Minds, Brains and Science*, Harvard University Press (Russian Translation 1993).
- Thompson, Evan (2007) *Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind*, Harvard University Press.